

А.Ф. Писемский

Старческий грех

**Совершенно романтическое
приключение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А.Ф. Писемский**
Старческий грех: Совершенно романтическое приключение / А.Ф. Писемский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 94 с.

ISBN 978-5-458-04054-9

А.Ф.Писемский - один из значительных русских писателей гоголевского направления. Многие острокритические рассказы, повести, драмы писателя имели широкую известность среди современников и не утратили художественную ценность и в наше время.

ISBN 978-5-458-04054-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.Ф. Писемский, 2021

Писемский Алексей
Старческий грех
Совершенно
романическое
приключение

I

Если вам когда-нибудь случалось взбираться по крутой и постоянно чем-то воняющей лестнице здания присутственных мест в городе П-е и там, на самом верху, повернув направо, проникать сквозь неуклюжую и с вечно надломленным замком дверь в целое отделение низеньких и сильно грязноватых комнат, помещавших в себе местный Приказ общественного призрения, то вам, конечно, бросался в глаза сидевший у окна, перед дубовой конторкой, чиновник, лет уже далеко за сорок, с крупными чертами лица, с всклокоченными волосами и бакенбардами, широкоплечий, с жилистыми руками и с более еще неуклюжими ногами. Это был бухгалтер Приказа Иосаф Иосафыч Ферапонтов. На нем, как и на прочей канцелярии, был такой же истасканный вицмундир, такие же уродливые, с сильно выдавшимся большим пальцем, сапоги, такие же засаленные брюки, с следами чернил и табаку на коленях, и только в довольно мрачном выражении лица его как-то не было видно того желчного раздражения от беспрестанно волнующейся мелкой мысли, которое, надобно сказать, было присуще почти всей остальной приказной братии. Видимо, что бухгалтер думал и размышлял о более возвышенных и благородных предметах, чем его подчиненные. Несмотря на это, кажется бы, преимущество с его стороны, он собственно за свою наружность и был не совсем любим начальством. Все новые губернаторы, вступая в должность и посещая в первый раз Приказ, получали об нем самое невыгодное мнение, может быть, потому, что в то время, как все прочие чиновника встречали их с подобострастно-веселым видом, один только Иосаф стоял у своей конторки, как медведь, на которого шли с рогатиной.

- У вас бухгалтер, должно быть, скотина, - замечал обыкновенно губернатор члену Приказа.

- Для службы-то, ваше превосходительство, очень уж полезен, - отвечал тот на это тоном глубокого сожаления, - у нас тоже дело денежное: вот, бывало, и предместник вашего превосходительства, как за каменной стеной, за ним спокойно почитать изволили.

- Гм!.. - произносил глубокомысленно губернатор, и только этим бухгалтер спасался на своем месте. Каждый день, с восьми часов утра до двух часов пополудни, Ферапонтов сидел за своей конторкой, то просматривая с большим вниманием лежавшую перед ним толстую книгу, то прочитывая какие-то бумаги, то, наконец, устремляя печальный взгляд на довольно продолжительное время в окно, из

которого виднелась колокольня, несколько домовых крыш и клочок неба. О чем бухгалтер думал в это время, - сказать трудно; но по всему заметно было, что мысль его была шире того небольшого пространства, в котором являлся ему божий мир сквозь канцелярское окно, шире и глубже даже тех мыслей, которые заключались в цифрах лежавшей перед ним книги.

Часов с одиннадцати обыкновенно в Приказ начинала собираться публика, и первые являлись купцы с вкладами. Случалось так, что какой-нибудь из них, забежав наскоро в Приказ, тяжело дыша и с беспокойными глазами, прямо обращался к бухгалтеру:

- Член здесь-тко-с али нет?

- У губернатора, - отвечал Ферапонтов.

- Эхма-тка! - говорил купец, прищелкнув языком и почесав в затылке. Деньжонки бы внести надо... задержат, пожалуй!.. А делов-то... делов...

- Давайте, - говорил ему на это лаконически Иосаф, и купец, нимало не задумываясь, вытаскивал из кармана иногда тысяч пять, шесть, десять серебром и отдавал их ему на руки, твердо уверенный, что завтра же получит на них билет.

Все помещики, имения которых были заложены в Приказе, тоже знали Иосафа и тоже прямо обращались к нему. Более смиренные из них даже чувствовали к нему некоторый страх.

- Асаф Асафыч? А Асаф Асафыч? - говорили они, подходя не без робости к его конторке (бухгалтер не любил на первый зов откликаться). - А что имение мое назначено в продажу? - заключал проситель уже жалобным голосом.

Ферапонтов взглядывал на него. Имени он почти ни у кого не спрашивал и каждого узнавал по лицу.

- Сахаровых? - произносил он, развертывая толстую книгу.

- Сахаровых, - отвечал робко помещик.

- Семнадцатого апреля назначено в продажу, - отвечал Ферапонтов.

Помещик окончательно терялся.

- Да как же это, ей-богу, вот те и раз! - произносил он почти со слезами на глазах.

Бухгалтер иногда, после нескольких минут молчания, снова развертывал книгу и, просмотрев ее внимательно, произносил:

- Перезаложите. Перезаложить можно.

- Можно? - спрашивал помещик с расцветавшим лицом.

- Можно. А вы и не знали того? - говорил Иосаф Иосафыч: в голосе его слышалась легкая насмешка.

Помещик от радости почти вприпрыжку уходил из Приказа.

- Пред сенным ковчегом скакаше играя!.. - произносил ему вслед столоначальник первого стола, большой шутник и зубоскал. При этом молодые писцы самым искренним образом фыркали себе под нос, а которые постарше, улыбались и качали головами. Один только Иосаф в подобных случаях хоть бы бровью поводит. Он вообще с канцелярией никогда не вступал ни в какого рода посторонние разговоры и был строг: в особенности почти что гонению с его стороны подвергались молодые, недоучившиеся дворяне, поступившие на службу так только, чтобы вилять от нее хвостом. В конце почт каждого месяца он вдруг входил в присутственную комнату и начинал мрачно смотреть в окно.

- Что вы тут: на что глядите? - спрашивал его неперменный член.

- Так, ни на что-с, - отвечал Иосаф и потом, после короткого молчания, прибавлял: - Петрова бы вот надо совсем из службы выгнать.

- А что такое? - спрашивал неперменный член с некоторым испугом. Петров был, как известно, личным протеже начальника губернии.

- А то, что уж ружье завел, - отвечал Феропонтов.

- Скажите, пожалуйста! - произносил неперменный член горестно-удивленным тоном и звонил.

- Позвать Петрова! - говорил он, и Петров, очень еще молодой человек, с вольнодумно отпущенными усиками и с какою-то необыкновенно длинною шеей, в тоненьком, легоньком галстуке и в прюнелевых ботинках вместо сапог, являлся.

- Вы уж ружье завели? - спрашивал его неперменный член.

Петров вспыхивал до самых ушей.

- Я, помилуйте, Михайло Петрович, взял только у товарища на подержание... Помилуйте-с! - отвечал он прерывисто нетвердым голосом.

- На подержание вы взяли!.. - возражал ему бухгалтер. - Целый день продуваете да замок отвинчиваете... Что-нибудь одно: либо за утичьими хвостами бегать, либо служить.

- Я служить стараюсь! - говорил Петров, обращаясь более к неперменному члену.

- Кабы старались, так бы не то и было, - возражал ему снова бухгалтер. - Мать-то, этта, приезжала и почесть что в ногах валялась и плакала: последнюю после отца шубенку в три листика проиграла!.. Еще дворянин! Точно зараза какая... только других портите и

развращаете.

- Что ж, маменька, конечно что, вольна все говорить, - отвечал Петров, опуская невиннейшим образом глаза в землю.

- Все на вас говорят! - произносил с досадою Иосаф и уходил из присутствия.

За такого рода суровость, а главное, я думаю, и за образ своей жизни, он и прозван был от своих подчиненных "отче Иосафий".

Но в самом ли деле этот человек был таков?.. Нет, и тысячи раз нет!!!

II

Как ни давно это было, но мы еще очень хорошо помним сквернейший сентябрьский день, сырой, холодный; помним длинную залу, тоже сырую и холодную, с распростертыми над нами по потолку ее всевозможными богами и богинями Олимпа, залу почти без всяких следов жилья человеческого. Посредине ее стоял огромный стол, покрытый красным сукном. По двум стенам шли сплошь шкафы с книгами и с стоявшими наверху их греческими мудрецами. Тщетно старался я прочитать заглавия некоторых книг и ничего не понял. Какая-то экзегетика, герменевтика¹ и тому подобное... бог знает что такое. По третьей стене, под портретом государя, нарисованного в короне и порфире, стояли мы, человек тридцать мальчиков, в новеньких вицмундирчиках и с глубокой тоской на сердце от грядущей нам будущности. По четвертой стене, у окон, размещались на креслах наши родители. Маменька Сокальского, например, очень полная и нарядная дама, чрезвычайно важничала: развалившись в креслах, она с таким видом играла своей лорнеткой, которым явно хотела показать, что она делает величайшую честь этому месту, в которое, по чувству материнской любви, решила прийти и просидеть полчаса. Папенька Арнаутова, кривой помещик, сдавал сына на выучку, кажется, точно с таким же чувством, с каким он засыпал и рожь на мельнице. "Было бы-де всыпано, а там и баста: само сметет как надо!" Вице-губернаторских детей, двух братьев, привел худощавый француз-гувернер и, видимо, не желая, чтобы они смешались с плебеями, поставил их вдаль от нашей группы, а сам присел на окне и с каким-то особенным эффектом вывернул голени у ног. Я с большим любопытством смотрел на его узенькие, нежно-пепельного цвета брюки, и невольно, сравнив их с сильно вытянутыми на коленях штанами учителя математики, а также и с толстыми, сосископодобными ногами учителя немецкого языка, я тут же убедился, что одна только французская нация достойна носить узенькие панталоны, тогда как прочему человечеству решительно следует ходить в шароварах. Детей жандармского полковника, тоже двух братьев, привел солдат-жандарм и почему-то очутился тут же в зале между родителями. Он преспокойно стоял в простенке и стеснялся отчасти только тем, что нос его, более привыкший находиться на улице и в холодных сенях, чем в теплых апартаментах, очень уж разнежился, так что он беспрестанно принужден был подтирать его своей белой рукавицей. Вблизи от него и даже очень

дружелюбно обращаясь к нему с разного рода семейными разговорами, сидел секретарь гражданской палаты, тоже приведший сынишку, с отгнившими почти от золотухи ушами.

- Ты, верно, дядькой при детях? - говорил он.

- Никак нет, ваше благородие, я на кухне, при поварях; поварам подсобляю, - отвечал жандарм.

- Так, так... а что полковница-то родила али еще нет?

- Никак нет, ваше благородие, ждется еще пока... что бог даст.

- Так, так! - заключал секретарь и начинал играть серебряной табакеркой, внушавшей сильное подозрение, что это был дар за измену Фемиде. Между всеми этими лицами, надобно сказать, более всех поразил мое детское внимание мизерный чиновничшко в поношенном вицмундиришке, в худеньких штанах и в дырявых сапогах. Он беспрестанно ежился, шевелился, как будто бы его сейчас только круто посолили и посыпали сверху перцем. Он то садился на самый краешек стула, то вскакивал и подбегал к секретарю, кланялся перед ним, что-то такое рассказывал ему, и тот на все это отвечал ему с обязательным полупрезрением. Не ограничиваясь секретарем, чиновничшко относился даже к madame Сокальской, но та уж ему ничего не отвечала. От родителей чиновник перебегал к нашей группе и, обдав нас сильным запахом водки, прямо обращался к довольно шершавому малому лет шестнадцати, одетому тоже в вицмундирчик; но боже мой! В какой вицмундирчик: сшитый не только что из толстого, но даже разноцветного сукна, так что туловище у него приходилось темносинее, а рукава голубые. Чиновничшко с самым строгим видом что-то такое, должно быть, внушал ему. Мальчик, в свою очередь, тоже строго смотрел на него и сохранял упорное молчание. Вошли директор (черноволосый мужчина, с необыкновенно густыми и длинно отросшими бровями), и за ним, как гиена, выступал сутуловатый и как бы вся и все высматривающий инспектор. Мы все невольно сделали движение вытянуть руки по швам. Родители привстали. Жандарм проворно отнял от носу белую рукавицу. Чиновничшко поклонился ученому начальству самым унизительно-подлым образом. Директор начал читать список поступивших в гимназию:

- Павел Аксанов?

- Я! - пискнул белокуренький мальчик.

- Гавриил Беляев?

- Я! - отвечал еще тоньше уже черноволосый мальчик.

- Михаил Гавренко?

- Я! - отвечал тоже тонко и тоже брюнетик.

Словом, постоянно почти слышались нежные дисканты, но вдруг директор, несколько замявшись в языке, произнес:

- Иосаф Ферাপонтов?

- Я! - отвечал на это почти мужской уже бас, так что мы все невольно оглянулись.

Это откликнулся мальчик с разными рукавами. Директор тоже, кажется, был озадачен.

- Господин Ферাপонтов? - повторил он.

- Я-с, - отвечал мальчик тем же возмужалым голосом.

- Подойдите сюда.

Ферাপонтов подошел.

В это время, несколько сбоку, к директору приблизился и чиновничко.

На лице почтенного педагога вдруг изобразился ужас. Пожимая плечами и все более и более закидывая голову назад, он произнес:

- Что такое? Что такое? Где мы? Не в эфиопских ли степях? Какие у вас рукава? Гимназист вы или арлекин?

Все лицо мальчика загорелось стыдом. Видимо, что это была самая больная для него струна. Вместо него стал отвечать чиновничко.

- Ну, батюшка, что ж? Виноват, не имею состояния. Не погубите, благодетель: не имею чем одеть лучше, - проговорил он - и ни много ни мало бух директору в ноги.

Я видел, что мальчик при этом вздрогнул. Директор тоже возмущился подобным самоунижением.

- Встаньте, я не бог ваш и не царь! - произнес он недовольным голосом и потом, обращаясь к мальчику, прибавил: - Который вам год?

- Шестнадцатый, - отвечал тот.

Директор несколько времени смотрел ему прямо в лицо самым оскорбительным образом.

- Гм!.. Шестнадцатый год и всего только в первом классе! - произнес он насмешливо. - Зачем уж было в таком случае поступать к нам и своей шерстью портить целое стадо?

- Говорено было, благодетель, ему это, так ведь упрямец! - подхватил вместо сына чиновничко, чуть не до земли кланяясь директору, - лучше бы в службу шел да помогал бы чем-нибудь отцу, а я что? Не имею состояния, виноват!

- Ступайте на свое место! - обратился директор к мальчику.

Тот пошел. Как ни старался он смигнуть слезы, но они против воли текли по его щекам!

Когда нас распустили и мы стали в прихожей надевать наши шинельки, мне очень хотелось посмотреть, что наденет на себя Ферапонтов, но он пошел так, в одном только вицмундирчике. "Так вот отчего, - подумал я, - от него так пахнет сыростью. Он и в гимназию, видно, пришел насквозь пробитый дождем". Чиновничкишко, накинув на себя какое-то вретисце вместо шинели, поплелся тоже за ним и начал опять ему что-то толковать и внушать. Мальчик пошел, потупя голову.

Очень скоро после того между всеми нами узналось, что гадкий чиновничкишко был некогда служивший в консистории архивариус, исключенный из службы за пьянство и дебоширство, а разношерстный Ферапонтов (прозвище, которое мальчик получил на самых первых порах) был родной сын его. Жили они в слободе, версты за четыре от гимназии, в маленьком, развалившемся домике, и мальчик, говорят, даже стряпал у отца за кухарку. Каждое утро он являлся в класс, облитый потом, хотя по-прежнему ходил в одном только вицмундирчике. Нанковая чуйка, с собачьим воротником, появилась на его плечах только в начале ноября. Он приходил обыкновенно с обедом, и мне всегда очень хотелось узнать, что такое он приносил с собою, старательно завернутое в сахарную бумагу. Мы все, например, очень хорошо знали, что детям жандармского полковника, с тем же жандармом, присылали всегда из родительского дома и котлет и жареной курицы, вкусный запах которых, пробиваясь из оловянной миски, сильно раздражал наши голодные ноздри; но что ел Иосаф и где совершал этот акт, никому было не известно!

Однажды мы сидели в классе математики. Учитель ее, жестокосердечный меланхолик, сидел погруженный в глубокую задумчивость. Собственно учением он нас не обременял, но наблюдал более всего тишину и спокойствие в классе. Мы все сидели как мухи, прихваченные морозом. Вдруг белобрысый Аксанов, оказавшийся ужасно гадким мальчишкой, встал.

- Никита Григорьич, - начал он пищать своим тоненьким голосом, позвольте мне пересесть. С Ферапонтовым сидеть нельзя-с: он луку наелся.

Учитель мрачно и вопросительно взглянул на него.

- Луком дышит на меня-с, сидеть около него невозможно-с, - объяснил Аксанов.

Учитель, наконец, понял его.

- Ферапонтов, подите сюда, - проговорил он.

Ферапонтов, весь вспыхнув, подошел.

- Дохните на меня.